

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ

В. Гансонъ, Л. Ганскій, И. Голенищевъ-Кутузовъ, В. Дряхловъ, А. Дураковъ, Л. Кельберинъ, Ир. Кноррингъ, Д. Кобяковъ, В. Мамченко, Ю. Мандельштамъ, А. Присмановъ, В. Смоленскій, Ю. Софіевъ, Н. Станюковичъ, Е. Тауберъ, К. Халафовъ, Л. Червинская, Т. Шгильманъ.

СОЮЗЪ МОЛОДЫХЪ ПОЭТОВЪ И ПИСАТЕЛЕИ
ВЪ ПАРИЖЪ
1930

Глубокомуважаемому
Владеславу Ивановичу
Иванову

Мм Толемцевъ Кутузовъ

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ

Ташин

12 700 л

1930. г.

III

СОЮЗЪ МОЛОДЫХЪ ПОЭТОВЪ. И ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ ПАРИЖЪ
1930

ВАЛЕНТИНА ГАНСОНЪ.

ГОЛУБОЙ МАРТЪ.

Раскидалъ по снѣгу бѣлому Господь
Темно-синія сапфировыя тѣни; —
И растеть сверкающая плоть,
Въ солнечной рождаемая пѣнѣ;
 Плоть прозрачной, ясной бирюзы,
 Плоть, дышащая предчувствіемъ сліянья
 Красоты, надежды и желанья,
 Радости и бѣшеной грозы.
Всю весеннюю задумчивость и нѣгу,
Чуткую безмолвность и печаль,
Чуть — вздыхая, подарила даль
Робкому болѣзненному снѣгу.
 Схимникъ строгій съ бѣлой бородою
 Развернулъ нѣмыя письма,
 И горячей солнечной стрѣлою
 Въ нихъ вписалъ безхитростно: «Весна».
Еще цѣпки когти ледяные
Вечерами въ звѣздохкрылыхъ снахъ...
Но овѣялъ Всемогущій Магъ
Теплымъ вѣтромъ крылья голубыя...
 1924.

ЛЕОНИДЪ ГАНСКІЙ.

Никто не пѣлъ намъ пѣсенъ колыбельныхъ
И не рассказывалъ намъ въ дѣтствѣ сказокъ.
И въ этотъ міръ — чужой и безпредѣльный
Ворвались мы неловко. Какъ то сразу.

Мы не были съ тобою молодыми.
Года прошли на раннемъ полѣ брани,
Гдѣ кто-то насъ за попранное имя
Штыкомъ возмездія нежданно ранилъ.

И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ПОДРАЖАНІЕ «ПѢСНИ ПѢСНЕЙ»

Подоприте яблони меня,
Поддержите травы полевая.
Жаломъ уязвленная огня,
Слышу колесницы боевая,

Храпъ коней и пламенную рать,
И трубы разгнѣванной призывы.
И хочу, и не могу бѣжать,
Вѣютъ, вѣютъ огненные гривы.

Только душный хмѣль садовъ твоихъ
Вкругъ меня и смертное томленье.
Гдѣ Ты, повелитель и женихъ?
Только вихрь кружится въ отдаленьи!

Я-ль пойду, блуждая, какъ во снѣ,
Древнею дорогой безотрадной.
Тонкій пепель палъ на сердце мнѣ,
Волосы развѣялъ вѣтръ прохладный.

Въ вертоградѣ Вышняго Отца
Знаю, знаю, ждетъ меня любимый.
Кто связалъ и развязалъ сердца,
Кто горитъ и жжетъ — неопалимый.

Жажду, жажду огненнаго дня,
Размыкаю дали голубыя...
Подоприте яблони меня,
Поддержите травы полевая.

ОСЕНЬ

Отраднa тишина скудѣющихъ полей.
Какъ низко облака скользятъ по небосводу.
Покоясь, какъ въ гробу изъ тонкихъ хрусталей,
Душа усталая погружена въ дремоту.

Безмолвья хладнаго нарушивъ строгій строй,
Звучатъ мои шаги. И кажется все проще,
Какъ въ сновидѣнїи. Привычною тропой
Иду къ рѣдѣющей, златисто-рѣдной рошѣ.

Полубезпамятство. Прохлада. Пустота.
Лишь напряженнѣе въ дремотѣ ощущенья.
И сердце разорветъ случайнаго листа
Едва примѣтное, чуть слышное паденье.

В. ДРЯХЛОВЪ.

П Ъ С Н Ъ О Ч Е Р Е П Ъ .

О, если бы не знать, что значать
Вотъ эти жалкіе стихи,
Я жилъ бы лучше и мечталъ иначе,
Мои дороги трезвы были и тихи.

Порывы мыслей, словно злого вѣтра
Порывы, носятся неясны и новы,
Вращаясь и кипя въ полсотнѣ сантиметровъ
Охваченной костями головы.

Еще не треснулъ напряженный черепъ
Отъ нарастающаго вещества,
И подчиняется оно убогой мѣрѣ
И мысли льются въ пошлыя слова.

Но чувствую, и костяныя скрѣпы,
Напору мысли уступая моему,
Шевелятся, и боязливый трепеть
Идетъ по черепу, и кажется ему,

И кажется ему, что вихрь послѣдней пѣсни
Вдругъ взбунтовавшагося вещества
Ему не выдержать: что треснетъ,
Потокомъ разольется голова.

И заливая, и сжигая землю,
И затемняя солнце и луну,
Через туманности, что жарко дремлютъ
Оно прорвется въ чистую страну.

Въ страну сознанья и покоя
Мгновенныхъ воплощеній словъ.
(О томъ художникъ грубою рукою
На утлый холстъ не переноситъ сновъ).

Они сбываются, живутъ, играютъ
И льется музыка свободная отъ нотъ,
И чувства чистоту сознанья открываютъ,
Незакрывающееся окно.

И новыя тамъ выступаютъ уши,
И проростають новые глаза
И сожалѣнья катится слеза
О томъ, какъ люди представляли души.

Парижъ 1927.

АЛЕКСѢЙ ДУРАКОВЪ.

Гляжу на міръ потусторонній
Сквозь стекла моего окна.
Вотъ площадь — образъ преисподней —
Тѣнями мутными полна.

День сѣрь и сѣры наши души!
Порой, подъемля мерзкій гамъ,
Автомобили, какъ кликуши,
Къ пустымъ взываютъ небесамъ.

Въ дыму кафэ официанты
Безшумно рыщутъ. На тахтахъ
Напудренные вянутъ франты
Въ телескопическихъ штанахъ.

Блестятъ разительнымъ пробормомъ,
И странно схожи ихъ черты.
Исполнены тщедушнымъ взоромъ
Ихъ неподвижныя мечты.

Ужель насъ сѣрый день задушить?
— И будемъ всѣ мы — стыдъ и страхъ —
Микроскопическія души
Въ телескопическихъ штанахъ.

ЛАЗАРЬ КЕЛЬБЕРИНЪ.

С И Н І Й Л Е Б Е Д Ъ.

Тамаръ Тумановой.

Люди радуйтесь! Пойте снова!
Воры, пьяницы, — все равно!
Приглашаетъ на праздникъ новый
Претворившій воду въ вино.

Парусами несутся тучи,
Вслѣдъ за солнцемъ мѣсяцъ встаетъ
И пѣвцовъ знаменитыхъ лучше,
Птичій хоръ надъ землей поетъ.

И, надѣвши на лапы ленты,
И на головы колпачки,
Тащутъ всѣ свои инструменты
И кузнечики, и сверчки.

И не въ силахъ стоять на стражѣ,
Созывая звѣринный родъ,
На полянѣ собака пляшетъ,
До ушей раскрывая ротъ.

А въ безвыходной серединѣ,
Гдѣ ни новый, ни старый вѣкъ.
Тихо плаваетъ лебедь синій
По зеркальнымъ просторамъ рѣкъ.

Сотня бѣлыхъ — сверкаетъ справа,
Слѣва — черныхъ сто лебедей,
Это духи любви и славы,
Ихъ питаетъ лишь кровь людей.

А у настезь раскрытой двери,
Тамъ, въ туманѣ, у береговъ,
На ступеняхъ моихъ невѣрій
Встали звуки въ одеждахъ славъ.

И, чудесно для глазъ и слуха
Воскрешая забытый рай,
Они молятся передъ Духомъ
Въ алтарѣ лебединыхъ стай.

Январь 1930.

О смерти можно много сказать,
Но запахъ листвы весенней
Чудеснѣй. И гамма звучитъ опять
Моихъ недоумѣній.

За то, что еще уходитъ мнѣ рано,
А важнаго дѣла нѣтъ;
За то, что звучитъ изъ глуби лѣтъ
Мнѣ голосъ Аристофана:

За то, что трудиться и строить лѣнь,
За грѣшный напѣвъ невольный —
Я храмъ сотворилъ, гдѣ каждый день
Праздникъ престольный!

ИРИНА КНОРРИНГЪ.

Я не смотрѣла въ заревое небо,
Не спрашивала — «почему?», «зачѣмъ?».
И для простого, для земного хлѣба
Вставала рано, не спала ночей.

Я никогда, должно быть, не смѣялась.
Со мной всегда и всюду на землѣ
Замызганное платье и усталость,
Немытая посуда на столѣ.

Я никогда не понимала страсти,
Благихъ чудесъ на свѣтѣ не ждала.
И самого безрадостнаго счастья
Я никому съ собой не принесла.

1930.

Опять о томъ же: о годахъ войны,
О грохотѣ уродливыхъ орудій,
О черномъ дымѣ въ синевѣ весны,
О томъ, что было и чего не будетъ.

Какъ шли въ атаку, брали города,
Снаряды рыли вспаханную землю,
О пафосѣ, который навсегда
— До самой смерти — свѣжъ и неотъемлемъ.

И только я средь пламенныхъ людей,
— Не возражая, не кляня, не споря, —
Твержу о несмываемомъ стыдѣ
И о неискупаемомъ позорѣ.

1930.

О К Т Я Б Р Ъ .

Прикуривали не спѣша —
Со временемъ всему наученъ —
И хрипло паровозъ дышалъ,
Вагонныя напружа кучи.

Дымъ стлалъ безъ ордера ковры
И пили водку безъ отдачи.
Врывалась въ щели пыль — и рвы
Внизу просачивались къ дачамъ.

Скрипѣли стѣны —и когда
Штыками лязгали о прутья
Одинъ податливо рыдалъ
Въ своихъ заношенныхъ лоскутьяхъ.

Другой смѣялся — и сквозь сонъ
Цѣдилъ, какъ черезъ сито, будни —
И къ рыжей бородѣ присохъ
Окурокъ, брошенный лахудрой.

Ползла взъерошенной змѣей
Земная медленная скука,
Однообразно кто то гукалъ
За тонкою своей стѣной.

В. МАМЧЕНКО.

Вотъ опять загорятся пески,
Замаячится море огнями,
Будутъ звѣздные всплески
Пьяными.

А рядомъ, въ пустынь,
Гдѣ не видно солнца въ яркости,
Новые въ ночь остынутъ
Кости.

Серенадная ночь заглушить
Образы, сонно, на крышахъ.
И будетъ медлительней шагъ
Души.

Луна, подражая кубистамъ,
Фантазію встрѣтитъ на городѣ,
И опять я одинъ изъ ста
Буду голодень.

Будетъ снова мята постель,
Отъ придуманныхъ дерзостей,
Буду силиться писать нѣжности,
Стихи.

Захочу опять искриться,
Какъ на пальмахъ самумъ,
Что-бъ не узнать самому
Муть лица.

И опять окрылено, вдругъ,
Перепутаю райскія цѣнности
И устану усталость нести
Къ утру.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Какъ жить на землѣ? Человѣкъ не знаетъ.
Человѣкъ рождается, человѣкъ умираетъ.
Сгниваетъ тѣло въ плотной землѣ.
Летаетъ душа въ поднебесной мглѣ.

Поэтъ, послушай, не думай о многомъ!
Ты — человѣкъ, ты не станешь Богомъ.
Послушай — не твой ли голосъ поетъ:
Человѣкъ родился, человѣкъ умретъ.

2.

Въ житейской тинѣ счастья не найти...
Но и взлетѣвъ въ небесныя пространства,
Мы не забудемъ прежніе пути,
Простую грусть, простое постоянство.

И стоитъ ли смотрѣть за облака
Намъ, обреченнымъ смерть принять оттуда,
Пока еще прекрасна и легка
Земная жизнь, гдѣ намъ не надо чуда.

Какъ просто жить, ходить на службу.
Мнѣ такъ легко: покой въ крови.
Не вѣрю въ длительную дружбу,
Не знаю тягостной любви.

И дни проходятъ въ мирной скукѣ.
Но по ночамъ — къ чему скрывать —
Все та же ты, и тѣ же муки
Хранить безмолвная кровать.

Такъ море бури забываетъ,
Качаетъ лодку на волнѣ,
И на песокъ съ дѣтьми играетъ,
А бури спятъ на самомъ днѣ.

И пусть въ моей душевной лѣни,
Нѣтъ мѣста памяти твоей,
Въ тревогѣ мутныхъ сновидѣній
Все ближе ты, и все нужнѣй.

А. ПРИСМАНОВА.

Горбушки черепичныя красны.
Въ селѣ зерно побѣгами лучится.
Увѣренная поступь у весны:
Намъ у нее пристало-бѣ поучиться.
Довѣрь же ей веденіе пера
— Гусинаго пера, не золотого —
Душа моя! Сегодня со двора
И ты пойдешь. Крыло — твоя обнова.

Шесть дней оно скрывалось въ сундукѣ,
Посыпанное прелостью и перцемъ...
Въ седьмой — оно къ десной твоей рукѣ
Ласкается, старается, какъ сердце
Безъ устали, какъ снѣга порошокъ,
Что сверху въ полдень капельками льется,
Какъ сваха, какъ сиреневый горшокъ,
Какъ склянка, что песочною зовется.

Жила была личинка на листѣ,
А нынѣ бархатъ въ крапинкахъ летаетъ.
И мы хамелеонами къ звѣздѣ,
Взываемъ, скудный ужинъ уплетая.
Изъ кожи въ кожу... Правда солона:
Душа уходитъ въ сны на поселенье.
Но горе намъ! Шагнуть должна она
Въ концѣ концовъ и въ горнее селенье.

В. СМОЛЕНСКІЙ.

Никогда я такъ жалокъ не былъ,
Такъ безсиленъ, смѣшенъ и нелѣпъ.
Мнѣ снилось черное небо,
Мнѣ снилось, что я ослѣпъ.

О, тяжесть слѣпой печали —
Память земного дня,
Невидимые — кричали,
Бѣжали мимо меня.

О, страшная смерть, безъ тлѣнья,
Ненасытный червь темноты...
Я къ Богу взывалъ о спасеньи,
Но мнѣ отвѣчала ты.

И чѣмъ былъ мой голосъ тише,
Тѣмъ явственнѣй былъ отвѣтъ:
«Милый, я слышу, слышу.
Милый, спасенья нѣтъ!»

Кануть годы въ вѣчность безъ слѣда,
Смолкнетъ голосъ, сердце прахомъ станетъ,
Но душа любить не перестанетъ,
Землю не забудетъ никогда.

Въ тишинѣ безсолнечныхъ высотъ
Пролетая въ неземномъ предѣлѣ,
О тяжеломъ, о горячемъ тѣлѣ,
О дыханіи земномъ — вздохнетъ.

Такъ — подъ звѣзднымъ, голубымъ шатромъ
Вспоминаетъ погорѣлецъ нищій
Тѣсное и темное жилище —
Молніей испепеленный домъ!

Не знаю гдѣ, но это было, было!
И въ тѣ отягощенные года
Бѣжала варварская кровь по жиламъ,
Соборы строились и города.

И нѣтъ, не романтическая шпага,
Не рыцарей блистательный турниръ
— Но ясенъ образъ мастера и мага
Творящаго еще не бывшій міръ.

И онъ, невѣдомый и безымянный,
Упрямою и крѣпкою рукой
Преображаетъ хаосъ первозданный
Въ геометрическій послушный строй...

Еще пожара потушить не могутъ,
Не всколыхнулась ночь, мететь метель,
А мы уже выходимъ на дорогу,
Упрямолюбыхъ мастеровъ артель.

Мой сынъ иль внукъ, быть можетъ, даже правнукъ,
Должно быть, сохранить въ глуши шкафовъ,
Среди именъ значительныхъ и славныхъ,
Мой скромный трудъ — два томика стиховъ.

И, можетъ быть, въ какой то зимній вечеръ,
Въ живой библиотечной тишинѣ
(Осуществится-ль трепеть нашей встрѣчи)
Онъ подойдетъ задумчиво ко мнѣ.

И прочитавъ на рыжемъ корешкѣ
Написанное золотомъ: «Софіевъ»,
Подумаетъ о сгнившемъ старикѣ:
Писалъ стихи и жилъ въ года какіе!

Мой путь земной сумѣетъ оправдать —
Писалъ стихи, таковъ удѣлъ поэта.
Но мнѣ то, мнѣ то, какъ же сочетать
Два томика стиховъ и жизнь...

НИКОЛАЙ СТАНЮКОВИЧЪ.

И. К.

«Коротенькое слово мать». Но это —
Величественный женщины удѣлъ.
Огромная вселенная согрѣта
Внезапнымъ плачемъ въ маленькомъ гнѣздѣ.

И вы, склонившаяся къ изголовью,
Стремящаяся радость разгадать,
Вы заплатили молодою кровью
За творческое имя — мать.

1929 г.

Я проѣзжалъ желѣзный гулкій мостъ, —
Средь гравія пути блистали
И паровозы, развѣвая хвостъ,
Въ невѣдомое убѣгали.

Прогромыхавъ на стрѣлкахъ городскихъ,
Въ лѣсу недремлющихъ сигналовъ,
Въ зеленый мѣръ кладъ уличной тоски
Влекли изъ каменныхъ вокзаловъ.

Тамъ, — нашихъ душъ промерзнувшихъ насквозь, —
Оттаиваетъ сердцевина.
Тревожнымъ крикомъ встрѣтитъ паровозъ
Рожденье радости звѣриной.

Юрію Бекъ-Софіеву.

Я уважаю строившихъ соборы,
Средневѣковыхъ мастеровъ;
Ихъ точный разумъ и рѣзецъ ихъ спорый,
Напоръ упорный топоровъ.

Люблю торжественность богослуженья,
Его спокойный, неизмѣнный ходъ,
Гдѣ даже вамъ, о слезы умиленья,
Есть установленный чередъ.

Какъ хорошо подъ сводами, гдѣ таютъ
Печаль органа и хвала,
И благодать вѣками собираютъ
Крылатые колокола.

Но, забываясь, вижу я дороги
И рыцарей — защитниковъ Креста,
Паломниковъ настойчивыхъ и строгихъ,
Безчисленное воинство Христа.

Идутъ, идутъ, не понимая сами,
Какъ отдѣлились отъ земли,
И породнившись тѣсно съ небесами,
Въ нихъ усомниться не могли.

И, умирая человѣчьей смертью,
Уже не чувствуютъ ея,
Причастные высокому безсмертью,
Вкусившіе иного бытія.

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ.

О, черный пологъ неутѣшныхъ дней,
О, эти ночи, ночи послѣ ссоры!
Онѣ слезы прощальной солонѣй
И горше запоздалаго укора.

Какъ трудно этимъ воздухомъ дышать,
Влачить вездѣ немилыя одежды
И въ памяти безстрастной отмѣчать
Однѣ мертворожденныя надежды.

Любимаго измучить, истомить,
Минутами себя не узнавая,
И милости, какъ нищенка, молить,
По мирнымъ днямъ смертельно изнывая.

Въ невѣроятномъ удивленьи,
— Не сплю ли, не сошла - ль съ ума —
На жизни свѣтлое теченье,
На эти бѣлые дома,

На счастье, вложенное нынѣ
Въ мою сожженную ладонь,
Гляжу... Въ холодную пустыню
Такъ съ неба падаетъ огонь.

Почти глазами серафима
Мнѣ кто-то въ очи заглянулъ.
Какъ сердце бьется нестерпимо,
Какъ подъ рукой качнулся стулъ.

И въ мигъ одинъ душой испито
Все, что ей было суждено.
О, пологъ неба пріоткрытый!
О, слишкомъ крѣпкое вино!

КОНСТАНТИНЪ ХАЛАФОВЪ.

Въ пустынной пропасти сознанья,
Въ тускнѣющемъ сіяньи дня,
Небесныя воспоминанья,
Вы не оставили меня.

Все тѣ же вы; сквозь жизни брэнной
Вашъ милый голосъ не затихъ.
Вамъ нѣтъ забвенья, нѣтъ замѣны,
И нѣтъ ровесниковъ земныхъ.

И не понять, что въ васъ такое,
Зачѣмъ мнѣ данъ вашъ чудный свѣтъ,
Въ которомъ меркнетъ все земное
И дышетъ память лучшихъ лѣтъ.

И пусть изъ міра зла и страсти
Мнѣ больше нѣтъ пути назадъ, —
Я пью еще, смѣживъ глаза,
Серебряное ваше счастье.

Бываютъ встрѣчи, — какъ постигнуть намъ
Ихъ темный смыслъ, высокій и печальный?
Онъ торжественны, какъ Божій храмъ,
И сладостны, какъ благовѣсть пасхальный.

И присталенъ пыливый милый взоръ,
Догадки смутной полонъ и испуга:
Какъ будто, не видавшись съ давнихъ поръ,
Въ чужой толпѣ вновь встрѣтились два друга.

И близкую предчувствуя любовь,
Дыша вплотную несказанной тайной,
Себя — небесныхъ, — узнаемъ мы вновь
Подъ оболочкой тѣнной и случайной.

ЛИДИЯ ЧЕРВИНСКАЯ.

Вечерняя усталость сада,
 Лиловый, зимний, полусвѣтъ,
Неоцѣненная награда
 Тебѣ, забытый Богомъ свѣтъ.

Привычной, крѣпкой папиросы
 Спокойный свѣтло-синій дымъ...
На всѣ небесные вопросы
 Отвѣтъ останется земнымъ.

Разсѣянная ласка слова
 Сквозь чуждые стихи слышна,
А за рѣшеткой сада, снова
 Смиренной ночи тишина.

Тамъ, гдѣ во тьмѣ исчезли крыши
 Горитъ Парижъ больнымъ огнемъ,
И странно, что никто не пишетъ
 О самомъ важномъ и простомъ...

О томъ, что въ печкѣ, въ пеплѣ сѣромъ
 Головки угольковъ тихи...
И что нельзя гадать безъ вѣры,
 И безъ любви писать стихи.

... Январь, стихи, лиловость сада,
 Усталость однострунныхъ лиръ,
Тебѣ, случайная награда,
 Покинутый богами міръ.

11 января 1930.
 Парижъ.

Такихъ, какъ я, на этомъ свѣтѣ много:
Мертворожденныхъ, жалкихъ, молодыхъ,
Привычныхъ съ дѣтства знать, что нѣту Бога,
Такихъ беспочвенныхъ, такихъ ничьихъ...

А тѣхъ другихъ — красивыхъ и усталыхъ
Успѣвшихъ все понять и все забыть —
Такихъ покойниковъ на свѣтѣ мало,
Сумѣвшихъ насъ для Смерти воскресить.

Парижъ
2/3 1930.

Т. ШТИЛЬМАНЪ.

Д В А О Т Р Ы В К А.

Виктору Мамченко.

1.

И этотъ день, какъ всѣ другіе дни,
Совсѣмъ не лучше и ничуть не хуже:
Все тѣ же блѣдно-желтые огни,
Все тѣ же тучи, тѣ же лужи.

Но кто-то говоритъ: бѣги, бѣги,
Весь ужасъ смерти въ длительной истомѣ.
Спѣши! Чтобъ не было твоей ноги
И сердца въ этомъ новомъ домѣ!

2.

И этому блаженству нѣтъ границъ...
Какое ты ему подыщешь имя?
Косой, неуловимый взлетъ рѣсницъ —
И поднимается душа за ними.

Въ тво^емъ мозгу вздымаются мосты
И волны бьютъ съ отвѣснаго уступа.
А тутъ — часы такъ жалки и просты,
А я люблю — такъ медленно и скупю.

Парижъ. Мартъ 1930.

Все тотъ же мракъ — тревожный и нѣмой —
Окутываетъ памятные лица.
Не убѣжать мнѣ отъ себя самой,
Отъ радости забвенья не укрыться.

Становятся все глуше, все блѣднѣй
Мои стихи, привычки и измѣны.
Какъ скучно мнѣ въ водоворотѣ дней,
Какъ жадно душать облака и стѣны!

Молчи мой другъ. Стиховъ своихъ не трать,
Любви небесной и земной не путай.
Намъ суждено другъ друга забывать
Съ движеньемъ каждымъ, съ каждою минутой.

Но знаю: вѣченъ мраморъ и гранитъ,
Кончаются назначенные сроки,
И скоро насъ съ тобой соединитъ
Навѣки сумракъ — синій и высокій.

Парижъ. Февраль 1930.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
Книжный магазинъ
Я. ПОВОЛОЦКІЙ И К^о
13, rue Bonaparte
Paris